бражает трое ворот: Никольские, Фроловские (ныне Спасские) и Константиноеленские. Через ворота выходят войска. Любопытно, что князя Димитрия и других лиц, отмечаемых нимбами, художник не изобразил, а подчеркивая роль Киприана, написал его (о чем свидетельствует надпись «Киприан») в средних, Фроловских, воротах, несмотря на то что в текстах «Сказания» об этом нет никаких упоминаний. За Успенским собором и колокольней Ивана Великого художник помещает изображение княжеского терема, из окон которого на войско смотрят три женские головы. Художник отмечает только одну из голов женщин, смотрящих из окон, именем «Евдокия».

Прежде чем перейти к анализу изображений самой битвы, мы считаем необходимым остановиться на лагере Мамая. В правом краю фриза художник изобразил Мамая в городе, вероятно Сарае, о чем свидетельствуют не столько палаты, сколько каменные зубчатые стены с башнями (рис. 3, 1). В палате с плоской кровлей под балдахином на троне восседает Мамай (подписей не сохранилось), перед ним стоят советники, а позади его телохранители, что соответствует началу «Сказания». Левее художник изобразил переправу войска через реку. Если бы художник хотел изобразить переправу русского войска через Дон накануне битвы, то река была бы помещена им между изображением выхода войск из Москвы и полем сражения. Здесь же мы видим, что несметные силы воинские подходят к широкой реке и переправляются через нее. Все войска, окружающие ставку Мамая, на знаменах имеют одинаковые знаки, в основе которых находятся два полумесяца, обращенные друг к другу своими выпуклостями. В то же время на знаменах русских войск видим то крест, то образ Спаса, то образ богоматери с младенцем, то образ архистратига Михаила. Художник иллюстрирует следующий текст: «По малех же днех и по глаголех сихь перевезеся великую реку Волгу со всею силою, и иные же многие орды к себе съвокупи, глагола им, яко "обогатеем рускым влатом". И пойде на Русь, яко лев ревы, пыхаа, яко неуталимаа ехидна. Дойде же усть рекы Воронежи и распусти силу свою, заповеда всем улусом своим, яко: "Ни един ни пашь хлеба — и будете готовы на руские хлебы "». 21

Что художник в этой части изобразил именно силы Мамая, подтверждается изображением еще одной небольшой группы, помещенной в левой оконечности этого отрезка, в верху фриза над рекой. Здесь на горке стоит мужчина в царском костюме и золотой зубчатой короне, окруженный тесной группой из четырех фигур (рис. 3, 3). Это соответствует тексту «Сказания» в описании битвы на поле Куликовом: «Безбожный же царь Мамай, выехав на место высоко, с тремя князьями и зря человеческого кровопролития». Это изображение относится непосредственно к самой битве, художник размещает его между Московским кремлем и ставкой Мамая.

В центре битвы, на переднем плане изображено единоборство Пересвета с татарским богатырем (рис. 2, 5). Позади Пересвета написан второй инок — воин Ослябя. За ними по обе стороны множество воинов. Над ними художник изобразил все чудесные и легендарные эпизоды, предшествовавшие битве и сопровождавшие ее. Все эти изображения миниатюрны, и многие из них имеют сохранившиеся тексты. Над группой плачущих женских фигур помещены красного цвета дикие эвери и птицы, сохранились только три буквы «Дми», по которым можно восстановить слово «Дмитрий» (рис. 2, 6). Здесь показан эпизод «Сказания», рассказывающий об «испытании примет» Дмитрием Боброком Волынцем накануне

²¹ Там же, л. 180 об